

ТЕЕНАРИУМ

АНТОЛОГИЯ
НЕВЕРОЯТНЫХ
ИСТОРИЙ

Москва
«Снежный Ком»
2020

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
Т42

Автор концепции и составитель *Юлиана Лебединская*
Серийное оформление *Эрик Брегис*
Иллюстрация на обложке
Майя Курхули

Т42 ТЕЕНариум. Антология невероятных историй. / Сост. Юлиана Лебединская. — М. : «Снежный Ком М», 2020. — 304 с.
ISBN 978-5-6043755-2-5

Что будет делать подросток, потерявшись в незнакомом мегаполисе, да ещё и с непонятным артефактом в кармане? А если вдобавок по следу идёт парочка колоритных злодеев?

А как поступить, если твоей подруге напророчили самую настоящую беду, и всё указывает на то, что пророчество случится?

А если в доме вдруг завелась младшая сестра, которая мало того, что позорит тебя в школе, так ещё и впутывает в опасное мистическое приключение, из которого можно и не выпутаться...

В антологии «ТЕЕНариум» все истории разные, но у всех есть кое-что общее — юные герои, которые видят чуть больше. Которые ценят друзей и не боятся совершить подвиг. И за чьими приключениями будет интересно наблюдать, как совсем молодым читателям, так и их родителям.

«ТЕЕНариум» — это книга для тинейджеров всех возрастов!

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6043755-2-5

© Казаков Д., Дробкова М.,
Матыцина П., Макухин Е.,
Герцовский Г., Лебединская Ю.,
Архангельская Л., 2020
© Оформление Майя Курхули, 2020
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д. В.), 2020

Дмитрий Казаков
МОСКОВСКАЯ МЕТЕЛЬ

Глава первая

Выйдя из вагона, Мишка остановился и завертел головой. Очень уж хотел посмотреть, какая она, Москва, и надеялся увидеть ее чуть ли не сразу, целиком, с вокзала, хотя понимал, что это глупо... Мечтал об этом с того дня, как еще в сентябре им объявили, что в зимние каникулы седьмой «Б» поедет на экскурсию в столицу.

Не весь, конечно, а только те, за кого заплатят родители, или те, кто чем-то отличился, — на них даст денег школа.

Папа с мамой помочь тут ничем не могли, в парикмахерской много не заработать, а на моторном заводе и вовсе зарплату задерживают. Пришлось изо всех сил стараться самому. Учился Мишка нормально, но звезд с неба не хватало, и поэтому налег на то, в чем мог себя показать, на спорт.

Отобрался на зимнее первенство области на двух дистанциях, тренировался так, что еле приползал домой из манежа.

Не зря Юрий Анатольич, тренер, его хвалил, и вообще...

— Котлов, не стой столбом! — язвительно сказали в ухо, и твердый кулачок пихнул Мишку в лопатку.

Ух ты, Еремина, вредная, как десять Вольдемортов... почему все отличницы такие?

Мишка сердито засопел и отодвинулся.

Москвы он пока не видел, видел перрон, состав на соседнем пути и укрытое снежной пеленой здание вокзала, большое, конечно, не такое, как в Нижнем Новгороде или тем более в родном Заволжье, но какое-то обычное, не столичное.

И еще тут царил жуткая суета, властвовало невероятное столпотворение.

Мишку чуть не сбила с ног громадная тетка с баулами, едва не по ногам прокатил тележку красноносый дядька

с бляхой на груди. Отшатнувшись, Мишка налетел на горбатую старушку, что ковыляла, опираясь на клюку, и та мигом вцепилась в ляжку рюкзака, заканючила, дыша в лицо кислым и вонючим:

— Помоги бабушке, внучок, будь добр, а то бабушка совсем без денег, плохо ей...

Что старушке плохо, видно было с первого взгляда — ее трясло, руки ходили ходуном. Смущал только взгляд, острый и хищный, да не по-старчески крепкая хватка — из такой если и захочешь, не вырвешься.

— А что с вами? — спросил Мишка.

— Болеет сегодня бабушка, — заблеяла старушка. — Нужно ей полечиться, лекарства купить. Денежки она все потратила, пенсия маленькая...

Ну, если болеет, то дело святое, надо помочь человеку, тут сотни-другой не жалко.

Мишка торопливо расстегнул куртку, сунул руку во внутренний карман, старушка прищурилась, скрывая радость.

— Котлов, ты что это делаешь?! — громыхнул над ухом голос классной, Анны Юрьевны.

А вот и она, объявилась поблизости, вся растрепанная, как обычно, крашенные в ярко-рыжий цвет волосы выбились из-под платка, глаза яростно сверкают, а на круглом лице — негодование.

— Ну, я помочь хотел... — протянул Мишка.

— Как не стыдно, женщина! — гаркнула классная так, что ее услышали и на другом конце вокзала. — А ну отойдите, отпустите мальчика! Идите, взрослым голову дурите! А не то я вас!..

Анна Юрьевна замахнулась сумкой, и старушка с неожиданной резвостью отскочила.

Прошипела что-то на зависть всем змеям и пропала в людском круговороте.

— И ты сам тоже хорош, Котлов. — Классная обратила неодобующий взгляд на Мишку. — Развесил уши. Такого вот доброго телка, как ты, тут любой вокруг пальца обведет! Москва! Столица! Вот мы с директором пошли навстречу

твоему тренеру и ДЮСШ, взяли тебя в эту поездку, а ведь могли не взять. Веденеев куда лучше учится, и с поведением у него все хорошо. Соображаешь?

— Ну да... — Мишка опять засопел.

Никакой он не телок, а что добрый — так не всем же быть такими злыми, как вон Еремина или Васька Горелый из седьмого «А», и вообще, людям надо помогать, да и кто знал, что тут попрошайки прямо на перроне толкуются?

— Ладно, ничего. — Анна Юрьевна, как обычно, быстро перестала сердиться, даже потрепала Мишку по затылку. — Так, пошли-пошли! А ну все за мной! Не отставать, по стономам не глазеть! А не то...

Девчонки и мальчишки зашагали следом за классной, вон Еремина с мамой, такой же бледной и очкастой; вон ушастая Светка — эта, проходя мимо, показала язык, широкий, ну точно лопата; Андрюха, как всегда, в айфон пялится, пальцем по экрану водит, играет, похоже, или чатится...

Мишка вздохнул и пристроился в хвост колонны — у него-то обычный телефон, особо не попонтуешься. Жалко, что рыжего Димона, лучшего школьного друга, из-за простуды не взяли, вдвоем было бы веселее.

Под подошвами хрустел снежок, вихри гуляли по перрону, белые языки облизывали выстроившиеся на путях вагоны.

С платформы пришлось спуститься в подземный переход, и тут толпа оказалась еще гуще, чем наверху. Мишка съелся, завертел головой — вдруг какой вор захочет в карман забраться, кошелек утащить или сотовый?

Но нет, никто на него не смотрел, никто им не интересовался.

Переход вывел к рамкам металлоискателей, рядом топтались нелепо толстые в раздутых зимних куртках милиционеры. Мишка разглядел указатель метро, куда им и нужно, но классная зачем-то повела всех обратно наверх, в здание вокзала.

Он давно привык, что замечает куда больше, чем друзья и даже взрослые.

Еще совсем маленьким пытался обратить внимание на то, что не видят другие. Кричал: «Мама, смотри!» — и плакал, когда она называла его «маленьким фантазером». Затем перестал даже удивляться, почему все такие слепые, и выучился молчать о вещах, которые почему-то доступны только его глазам.

Вот и сейчас — рано или поздно они в метро все равно попадут, а от ходьбы ноги не отвалятся.

— Так, и куда же нам... — несколько растерянно пробормотала Анна Юрьевна, когда они выбрались в зал ожидания, забитый сидящими и лежащими людьми, чемоданами и сумками. — Ага, похоже, что сюда...

И устремилась в полутемный коридор, ведущий в недра здания.

В тот же миг на глаза Мишке попался щуплый парень лет двадцати, облаченный в черную лыжную шапку и кожаную куртку. Тот вынырнул откуда-то сбоку, торопливо зашагал вперед, засунув руки в карманы и не глядя по сторонам.

А затем из-под полы куртки будто выскользнула золотая змейка.

Мишка едва не споткнулся на ровном месте!

Звякнуло, по затоптанному серому полу покатилося нечто округлое, рассыпающее желтые искры.

— Ух ты! — воскликнул Мишка и автоматически, на ходу, наклонился.

В ладонь удобно легло тяжелое и холодное «яйцо» из металла, заструилась длинная цепочка. Он различил негромкое, но уверенное тиканье, и тут же, пока щуплый не ушел далеко, торопливо позвал:

— Эй! Вы уронили!

Обладатель лыжной шапочки и кожаной куртки обернулся, стало видно его лицо, похожее на морду хорька. В темных глазах при виде Мишки полыхнуло удивление, рот приоткрылся, обнажив мелкие и острые, беспорядочно натыканные зубы.

— Что? — спросил щуплый.

— Вы уронили, — повторил Мишка, вытягивая руку с находкой. — Это ваше.

Он ждал, что обладатель кожаной куртки поблагодарит и заберет «яйцо», но тот дернулся, словно его ударило током. Отшатнулся, а взгляд его метнулся Мишке за спину, заскакал по сторонам, и отразились в нем страх и растерянность.

— Нет, парень, ты ош-шибся, — с легкой дрожью в неприятном, хлюпающем голосе сказал щуплый.

— Но как... — Мишка удивленно захлопал глазами, но его никто не слушал.

Обладатель кожаной куртки и лыжной шапки развернулся и едва ли не бегом ринулся прочь — между рядами сидений, чуть ли не пинком отбросив с дороги сумку на колесиках, к неприметной двери, за которой и исчез.

— Ух ты, — только и сказал Мишка.

Он никогда не брал чужого и сейчас не знал, что делать с находкой... бросить обратно на пол? Ну это глупо... Догонять щуплого? Еще глупее — почему-то тот не захотел признаваться, что это его вещь... Оставить себе? Да, пока можно сделать так, а потом решить, как поступить.

Мишка сунул тяжелое «яйцо» в карман куртки, и тут мимо него, появившись со спины, прошел милицейский патруль. Мелькнула мысль, что именно стражей порядка мог испугаться обладатель кожаной куртки, но сразу же пропала, поскольку нужно было догонять одноклассников — не хватало еще потеряться!

Своих настиг легко и обнаружил, что его отсутствия никто не заметил.

Анна Юрьевна вертела головой, стараясь понять, куда идти, одноклассники тарачились по сторонам, пытаются делать это небрежно, незаметно и не особенно раскрывать рты от изумления. Жалко только, что они почти ничего и не видели.

Вон женщина в длинном пальто, что горбится на спине так, словно под толстой тканью прячутся сложенные крылья, зато шагает неуверенно, будто привыкла сидеть на ветке, а не ходить пешком. Взгляд острый, а нос крючком...

Вон непонятная штука на стене — вроде табличка белого металла, и на ней длинная надпись, но не русскими буквами и не английскими, а какими-то угловатыми, неприятными знаками.

И когда смотришь, все дрожит перед глазами.

Вон два грузчика в сине-оранжевой униформе волокут длинный ящик из необструганных досок. Пыхтят и надрываются, а все потому, что ящик бьется у них в руках, как живой, дерево скрипит, гвозди пытаются вылезти наружу, будто червяки из металла.

Один носильщик глянул в сторону Мишки и улыбнулся так, что лицо его на миг съехало набок, словно тряпка с наклеванной на ней рожицей. Из-под нее показалось нечто уродливое, кривое, заросшее мелким черным волосом, блеснули круглые черные глаза — каждый размером с кулак.

Мишка вздрогнул и отвернулся.

Он знал — бесполезно рассказывать другим о том, что видел сам.

Никто все равно ничего не заметит, друзья скажут «ладно заливать», а взрослые обзовут «фантазером» и начнут толковать, что развитое воображение — это хорошо, но надо жить в настоящем мире... бла-бла-бла...

— Так, нам сюда! — воскликнула Анна Юрьевна и для верности махнула сумочкой.

Вот уж кто живет в настоящем мире, только отчего-то прямую дорогу с платформы до метро найти не может.

Они прошли через громадный зал, где толпился народ, а женский голос из-под потолка объявлял, что с «восьмого пути отправляется поезд до Симферополя», и выбрались на улицу. Метель тут же плюнула в лицо снегом, так что Мишка невольно отвернулся, протер глаза.

И обнаружил, что щуплый в кожаной куртке и черной шапочке идет следом.

Нет, он был пока далеко, за стеклянной стенкой вокзала, но шагал торопливо и решительно, прижимал к уху сотовый, а взглядом цепко держался за Мишку — понятно, что не просто так прогуливается.

По спине побежал холодок.

Ничего себе, и что делать теперь? Во что он влез?

Скорее всего, щуплый — мошенник, и вряд ли он действует в одиночку, у него должны быть сообщники... И Мишка случайно влип в какую-то аферу, помешал довести ее до конца, и теперь ему за это отомстят...

Горячая волна страха ударила в голову, на мгновение стало даже жарко.

Наверняка его теперь убьют... хотя вряд ли прямо здесь, в толпе, на глазах у десятков свидетелей! Нужно немедленно догнать классную, рассказать ей обо всем, пусть вызывает милицию!

Хотя нет, Анна Юрьевна ему не поверит.

Скажет: «Опять ты, Котлов, со своими выдумками!» Да и еще подзатыльник отвесит по обыкновению — это для нее дело святое, не со злости, а от вспыльчивости, в запале, а потом сама извинится.

Мишка добавил шагу — для начала нужно не отстать.

А они вон уже где, у входа в метро, и классная на пару с мамой Ереминой пересчитывают всех по головам. Задержавшемуся непонятно почему Котлову достался сердитый взгляд, и Анна Юрьевна скомандовала:

— Внутрь, пошли. Быстрее, быстрее...

Проходя через тяжелую, качавшуюся туда-сюда дверь, Мишка украдкой оглянулся — щуплый никуда не делся, по телефону больше не разговаривал и уверенно топал следом, хищно ухмыляясь и сунув руки в карманы.

Наверняка у него при себе пистолет, а то и что похуже.

Может быть, просто вернуть вокзальную находку, и тогда от него отстанут?

Мысль показалась неплохой, и Мишка полез в карман, чтобы вытащить тяжелое, наверняка из золота сделанное тикающее «яйцо». Сжал покрепче, потянул наружу, однако то ли цепочка зацепилась за подкладку, то ли ухватил неловко, но кулак застрял намертво, так что не вытащить.

Разве что куртку порвать... но нет, в дранье неудобно ходить, да и мама дома по голове не погладит.

Несколько минут он поворачивал кисть и так и сяк, подсовывал пальцы под «яйцо», катал его туда-сюда, но сделать ничего не смог. Пока пыхтел, вслед за остальными проскочил через турникет и очутился в толпе, еще более густой, чем на вокзале.

По ней шли настоящие волны, крутились водовороты, и казалось, что ты плывешь через необычайно плотную воду.

Мишку едва не сбило с ног, утащило в сторону, а когда он очухался, то обнаружил, что рыжая голова классной мелькает далеко впереди, да и желтая куртка шагавшего впереди Андрюхи едва видна меж спешащих людей.

Пришлось забыть о находке, вытащить руку из кармана и пробиваться к одноклассникам.

Едва не с боем, отдавив кому-то ногу, он прорвался к эскалатору, покачнулся, вступив на убегаящие вниз ступеньки. Замелькали над головой развешенные по стенам рекламные плакаты, снизу донесся вой набирающего скорость поезда.

Мишка один раз ездил на метро в Нижнем, давно, правда, три года прошло.

Отдышавшись, он посмотрел назад — вдруг щуплый отстал, потерялся?

Нет, вон торчит черная шапка, и виден рукав кожаной куртки, хорошо еще, что эскалатор забит, народ стоит в два ряда.

Отступивший ужас ударил с новой силой, захотелось рвануть вниз со всех ног, завопить погромче... Мишке даже стало стыдно — нет, не хватало еще повести себя как девчонка, он пацан уже взрослый, и бояться вообще нечего, никто не причинит ему вреда здесь...

Но на этот раз страх уходить не захотел.

Он лишь отдернул голову, точно змея, уклонившаяся от удара палкой, но никуда не делся, туже сдавил сердце.

— Не мешаем проходу! — донесся сверху усиленный динамиками голос, и Мишка вздрогнул.

Он спрыгнул с эскалатора и понесся вперед, лавируя между взрослыми, ориентируясь на желтую куртку Андрюхи.

Обогнул громадную четырехугольную колонну, и тут ноги разъехались, угодив в лужу. Удержался чудом, пробежал немножко по перрону и заскочил в открывшуюся с шипением дверь вагона.

Облегченно вздохнул, услышав «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...».

Но тут мальчишка в желтой куртке обернулся, и Мишка замер, забыв даже, как дышать.

Это был не Андрюха, а незнакомый белобрысый, веснушчатый парень, да еще и в очках... только вот одет точно так же, и рюкзак с надписью «Манчестер Юнайтед» на спине болтается, и даже шапка черно-красная похожа.

Мишка беспомощно оглянулся.

Забитый народом вагон покачивался, колыхались отражения лиц в окнах, но ни одно лицо не выглядело знакомым. Хотя нет, одно выглядело — щуплый вошел через другую дверь и неспешно, без суеты протискивался между людьми, извинялся и улыбался, но ни на мгновение не останавливался.

Перед глазами у Мишки закружилось, в ушах зазвенело... куда они делись?

Неужели он ошибся, спутал одну желтую куртку с другой и уехал не в ту сторону?

Не страшно, есть мобильник, и номер классной в нем записан, вот только главное не в том, что он потерялся.

Щуплому осталось метра три, но он уперся в необъятно толстого бородатого дядьку, подпертого сбоку девчонками-близнецами лет пяти. Этих не обойдешь так просто, а значит, у Мишки есть возможность на следующей станции выскочить и добраться до милиции прежде, чем доберутся до него.

Вон и поезд уже замедляет ход...

Мишка сосредоточился, принялся глубоко дышать, как перед забегом на сотку — короткие дистанции он не любил, на соревнованиях по ним не выступал, но на тренировках спринтовать приходилось, так что он знал, что к чему, и когда надо, умел стартовать не хуже Усэйна Болта.

Жаль, что шиповки с собой не взял... кто знал, что тут бегать придется?

Вагон дрогнул, что-то загрохотало под днищем, створки двери медленно-медленно поползли в стороны. Пропихнувшийся мимо толстяка-бородача шуплый потянулся к Мишкиному плечу, но загреб только пустоту.

— Чтоб тебя! — прозвучало за спиной.

Мишка выскочил на платформу и понесся прочь.

Кто-то садился в поезд, кто-то выходил, но мешали и те, и другие, разогнаться не удавалось. И самое паршивое, что не видно милиции, ни единого человека в серой форме на всей станции!

А преследователь, судя по топоту и сопению, не отставал.

Мишка не выдержал, оглянулся и тут же наскочил на пахнущего табаком и бензином человека.

— Эй, мальчик, ты что дэлаешь? — с легким акцентом воскликнул тот.

Шуплый маячил в нескольких шагах, на лице его читалось злобное торжество хищника, догнавшего жертву.

Мишка помчался дальше, понимая, что вот-вот и его схватят, в рюкзак или плечо вцепится крепкая рука. Ну да, сколько ни тренируйся, как ни старайся, все равно взрослые быстрее, сильнее, выносливее.

Краем глаза заметил движение — кто-то бросился наперерез.

Мишка невольно отшатнулся, позади раздался громкий лай и полный ярости вопль, сменившийся ругательствами. Рядом оказалась девчонка — худенькая, в смешной остроконечной шапке и цветастом комбинезоне.

— Давай за мной! — воскликнула она.

Мысли заметались, точно вспугнутые бабочки: «Кто это такая? почему вмешалась?»

Но ноги потащили Мишку вслед за девчонкой — прочь из толпы, куда-то вбок, потом вверх по лестнице. Затем они очутились в длинном коридоре, где шаги гулко отдавались от стен, и тут их догнал большой лохматый пес, не лаявший, не пытавшийся укусить, просто деловито бежавший рядом.

Они вихрем слетели по стоявшему эскалатору, над головой проплыла надпись «Чудово», и тут у Мишки кончилось дыхание.

— Уф, стой... — прохрипел он, останавливаясь и упирая руки в бока. — Пока... хватит...

* * *

Если бы не проклятая псина, все было бы сделано в лучшем виде...

Но когда до мальчишки осталось несколько шагов, под ноги с лаем метнулся шерстистый барбос. Антон не успел замедлиться, запнулся и полетел кувыркком, оглашая воздух звучными проклятиями.

Потом его приложило головой так, что искры полетели из глаз.

Очнулся он через несколько секунд, понял, что сидит на полу станции, зверски болит затылок, а пацана и след простыл.

— Че за ерунда? — пробормотал Антон, оглядываясь.

До эскалатора метров пятьдесят, и станция видна как на ладони... туда мальчишка не мог успеть. Похоже, он рванул к отходившему сейчас поезду и уехал... или спрятался где-нибудь за колонной.

Но куда делась чертова псина?

— С вами все в порядке? — спросила какая-то женщина, склонившись над Антоном.

— Отвали, мадама, — зло ответил он.

И так все плохо, еще лезут всякие...

Женщина, сердито фыркнув, пошла прочь, а Антон поднялся и сунул руку в карман джинсов — делать нечего, нужно звонить Боссу. Набрать его номер придется во второй раз за последние полчаса, а ведь еще на вокзале задание казалось простым, как валенки!

— Алло, — сказал он, когда соединение установилось. — Тут такое дело... улизнул он, вот не знаю как.

— Да? — В голосе Босса, холодном и спокойном, как у автотама, не читалось и следа недовольства, но Антон знал,

что начальство гневается. — А кто обещал сделать «в лучшем виде»?

— Ну, это... лоханулся... — протянул он.

Ну да, конечно, он повел себя как последний недоумок, причем еще на вокзале, когда, обернувшись, увидел мордатого пацана, державшего на ладони Предмет... иначе Антон эту штуку даже про себя не называл, больно уж солидно она выглядела, много весила, а уж стояла вообще как «Роллс-Ройс»...

Но ведь Босс сам приказал — бросишь на пол и иди себе, и чтоб больше не трогать!

Да еще и менты эти появились очень не вовремя — увидь они в руках у Антона старинные золотые часы размером побольше куриного яйца, наверняка решили бы, что краденые, и поди докажи, что это не так.

Струхнул он, ничего не скажешь... но кто же знал, что так все выйдет?

— Так, давай еще раз, по порядку, с самого начала, — велел Босс. — Ничего не упускай.

— Само собой, такое дело. — И Антон пересказал все, что случилось на вокзале и после.

— Очень странно, что мальчишка что-то вообще заметил, — протянул Босс. — Удивительно. Обычные люди ничего не видят вокруг себя... — в его голосе все же проявилась досада. — Проклятье, ведь не может быть, чтобы все пошло насмарку из-за глупой случайности? Отвратительно! Барахло необходимо вернуть, ты это понимаешь? А недоросля ко мне доставить. Он видел кое-что, чего не должен был видеть ни в коем случае, и мы сделаем так, чтобы он не смог об этом рассказать... Ты понимаешь?

— Конечно, а как же, — подтвердил Антон, хотя на самом деле мало что уразумел.

Он не знал, для чего все затеяно, почему нужно взять дорогущую, наверняка антикварную вещь и выкинуть ее на вокзале. Да и не мог знать, если честно — все подробности плана наверняка ведал только сам Босс. Для него, сидящего на вершине башни-небоскреба, управляющего колоссаль-

ной бизнес-империей, все остальные не больше чем исполнители, юниты в огромной компьютерной игре.

Что такого опасного мог увидеть пацан, тоже совершенно не ясно. Разве что — попытался зажать Предмет...

Но если Босс говорит, значит так дело и обстоит.

— Жди там, где потерял мальчишку, — велел тот. — Я пришлю тех, кто найдет его и в аду.

— В лучшем виде! — Антон хмыкнул и понял, что разговаривает с безмолвным коммуникатором.

Босс разорвал связь, как всегда, без предупреждения.

* * *

Анне Юрьевне Москва не нравилась — очень шумно, слишком много людей, все куда-то спешат, несутся как угорелые, и лица даже у дворников надменные, словно у английских лордов. Еще меньше ее радовало метро с его толчеей, нехваткой воздуха и ощущением нависшей над головой опасной тяжести.

Поэтому, оказавшись на поверхности, она вздохнула с облегчением.

— Так, давай посчитаемся. Все здесь? — спросила Анна Юрьевна, разворачиваясь.

Какое счастье, что на экскурсию не отправился класс в полном составе — два с половиной десятка детей вовсе не в два раза хуже, чем дюжина. Кто-то не смог по болезни, у других родители не нашли денег, ну а тех, кто поехал в Москву за счет школы, и вовсе пять человек.

Счастье, что Елена Владимировна собралась с дочерью, двое взрослых куда лучше одного, да и есть с кем поболтать.

— Еремина — тут, Андрей Орлов — тут, — привычно считала Анна Юрьевна. — Котлов...

Мишу она нашла не сразу, почему-то он прятался за спиной Ереминой и глядел в сторону, так что виднелся только поднятый капюшон. Но как он был одет, она помнила, ошибиться не могла, и поэтому повела взгляд дальше... Вон Семененко, Олег, Света Лапырева, Фридман, вроде как все...

сейчас еще раз пересчитаем, точно убедимся, что никто из детей не пропал.

— Во сколько начинается экскурсия? — спросила Елена Владимировна из-за спины дочери.

— Сейчас посмотрю, — отозвалась Анна Юрьевна.

Билеты в Исторический музей они заказывали заранее, по телефону, и распечатка должна лежать в сумочке. Найти ее среди прочего оказалось непросто, и только после пяти минут поисков сложенная вчетверо бумага зашуршала в пальцах.

— В десять часов ровно, — проговорила она. — А сейчас у нас сколько?

— Без пятнадцати, — ровным, каким-то унылым голосом произнесла Елена Владимировна. — Далеко тут идти?

— Господи, да я не знаю. — Анну Юрьевну заколотило от волнения: не хватало опоздать! — Пошли быстрее! Бегом-бегом, а не то...

И она, решительно взмахнув сумочкой, первой устремилась прочь от выхода из метро. Мысль о том, что нужно пересчитать детей еще раз, сгинула без следа, потерялась в ворохе более злободневных.

Глава вторая

«Ох, влепил бы мне Юрий Анатольич за такой бег», — думал Мишка, пытаясь отдышаться.

Выложился, словно не тренировался никогда — сердце колотится как бешеное, ноги трясутся. Странно еще, что пришедшая ему на выручку девчонка даже не запыхалась, на лице ни капли пота.

— Что ты на меня смотришь? — спросила она, и Мишка сообразил, что пялится на москвичку.

— И вовсе не смотрю. — Он торопливо отвел глаза, по щекам побежала горячая волна.

Ну вот, не хватало еще покраснеть!

— Он нас не догонит? — поинтересовался Мишка, оглядываясь.

— Нет, — уверенно ответила девчонка и погладила по голове сидевшую рядом собаку. — Молодец, Кучка, здорово ты его шуганул.

Барбос, большой, серый, лохматый, умильно прищурился и заелозил по полу хвостом.

«Странное имя», — подумал Мишка, но вслух сказал:

— Я — Михаил... э, спасибо тебе. А тебя как зовут?

— Ну надо же! Ничего себе! — Девчонка рассмеялась. — Тебе до Михаила еще расти и расти!

От этого смеха Мишку охватила злость: чего она ржет, как сумасшедшая? Нашла повод...

— Прости. — Она сделала извиняющийся жест, светлые глаза лукаво блеснули. — Я — Алиса. Этого вот ненавистника кошек зовут Кучка, и он тоже рад с тобой познакомиться.

— То-то я вижу, как рад, — буркнул Мишка, оттаивая. — А почему ты мне помогла?

— Помощь всегда приходит к тому, кто в ней настоящему нуждается. — Алиса повела плечом. — Не беспокойся, тот... — она подыскала нужное слово, — человек сюда не попадет. Просто не сможет.

— Да я не боюсь! Я... — Мишка осекся, поскольку вспомнил, что вообще-то он в Москве, отстал от экскурсии, и Анна Юрьевна наверняка с ума сходит — как же, мальчик потерялся. — Позвонить мне надо...

И он неловко полез в карман за телефоном.

Алиса с улыбкой отвернулась, принялась чесать Кучку за ухом.

Сотовый оказался на месте, только на экране обнаружилась надпись «Сеть не найдена». Мишка удивленно хмыкнул — такое он видел, но это было, когда они ходили в поход, в диком лесу на Керженце.

Сейчас-то он вроде не в глухой чащобе?

На всякий случай потряс телефон, выключил и включил, но помогло это как улитке костыли.

— Ух ты, елки, — пробормотал Мишка, оглядываясь. — Что это вообще за место такое?

Станция выглядела обычно — два пути, отделенные от середины зала белоснежными колоннами, украшенные позолотой арки, с одного конца эскалатор, с другого — глухая стена, выложенная мраморной плиткой.

Вот только пусто и тихо, ни единого человека... и поездов до сих пор не было, ни одного!

А они уж здесь стоят минут пятнадцать!

— Ты же видел — «Чудово», — медовым голоском сообщила Алиса, отрываясь от собаки. — Красиво тут, правда?

— Ух ты, дело святое. — Мишка не нашелся, чего сказать, решил, что станция новая, только что построенная, но пока не открытая.

Непонятно только, почему они так легко сюда попали...

— Ты чего нервничаешь? — спросила Алиса, и он сбился с мысли.

— Ну как, я потерялся, а позвонить своим не могу... А, ты мне сотовый не одолжишь?

У нее может быть другой оператор, или на этой станции работают мобильники только у москвичей.

— Ничего не выйдет, — Алиса улыбнулась. — Тут обычной связи нет. Но ты не беспокойся. Потеряться ты не можешь, ведь ты знаешь, где находишься?

— Ну, как бы не совсем, да, — Мишка поскреб в затылке.

Да, он видел в интернете схему московского метро, но вряд ли на ней отмечена еще не открытая станция... Ну пусть даже и отмечена, но названия «Чудово» он не помнил и сейчас не мог сказать, на какой ветке очутился, в какую сторону от вокзала уехал и что расположено на поверхности.

— Может быть, это остальные потерялись, а ты как раз находишься там, где и должен быть? — продолжала Алиса.

И почему-то тревога от ее слов уходила, становилось легче на душе, возвращалась уверенность. Мишка больше не опасался, что по эскалатору сбежит щуплый преследователь, его не беспокоило, что он заблудился в огромной Москве.

Его вообще ничего не беспокоило... это было удивительно и приятно.

Словно не лохматую собаку, а его самого чесала за ухом чудная девчонка в остроконечной шапке.

— Ну вот, так лучше... — сказала она, потом неожиданно хихикнула и поинтересовалась: — Куда тебе нужно, ведь ты знаешь?

— Конечно. — Мишка напрягся, вспоминая.

Сначала их должны вести в какой-то музей, в какой именно, он забыл, а потом на экскурсию в Кремль.

— В Кремль!

— Значит, тебе в ту сторону. — Алиса указала на уводящий со станции путь. — Прямая линия, через три станции сойдешь, ну а там по указателям на Красную площадь выйдешь.

— А ты? — ляпнул Мишка, и сам на себя озлился.

Что ему за дело до этой девчонки?

— Нам с Кучкой в другую, — сказала она, и тут, как по команде, колыхнулся воздух в темном туннеле, издали доносился гул подходящего поезда.

— Мы увидимся? — спросил он, понимая, что все-таки не выдержал, покраснел, но не отводя взгляда.

В классе у них учились разные девчонки, да и во дворе и на секции какие только не попадались. Но таких, как Алиса, он не встречал... боевая и шустрая, вроде бы самая обычная, но при этом очень чудная.

С чего она влезла не в свое дело, помешала преследователю схватить Мишку?

И говорит вовсе не так, как другие... так, что даже слушать интересно!

— Кто знает? — Алиса подмигнула, схватила Кучку за ухо и прыгнула к краю платформы.

Вырвавшийся из туннеля поезд метро остановился, как показалось, только на мгновение. Никто не вышел, щелкнула открывшаяся и тут же захлопнувшаяся дверь, и не успел Мишка глазом моргнуть, как остался один.

На мгновение ему сделалось грустно.

Жалко, но они, скорее всего, никогда больше не увидятся.

На втором пути состав появился через пять минут, затормозил с шипением и грохотом. Мишка проскочил внутрь, ухватился за поручень так, словно тот мог вырваться. Когда вагон тронулся, обратил внимание, что все пассажиры заторможенные, будто сонные, никто не двигается, даже не моргает.

Но продолжалось это несколько секунд — мигнул свет, и все изменилось, стало обычным.

Зашуровал пальцем по экрану планшета тощий белобрысый парень, зашелестел газетой сурового вида старик, принялись шептаться две женщины. Обтрепанный дядька в шапке-ушанке вытаращился на Мишку так, словно у того выросли на голове рога, но сразу отвел взгляд, а на следующей станции и вовсе торопливо вышел.

Еще через две остановки он и сам покинул вагон.

Указатель «Красная площадь» тут же попался на глаза, потом встретился еще один, со стрелкой. Заблудился бы тут лишь слепой, и вскоре Мишка оказался наверху, перед большим красным зданием с башенками и надписью «Исторический музей».

Ну уж тут-то, в самом центре Москвы, связь должна быть!

Сотовый пиликнул, показывая, что жив, и вроде бы даже высветил название оператора в углу экрана... Но мигом погас, словно у него села батарея, заряженная до упора вчера и способная работать целый месяц!

Мишка засопел, подержал нажатой клавишу «Выкл»... Не помогло.

Тогда он отковырял заднюю крышку, вытащил аккумулятор и вставил на место... Бесполезно.

Вернулось оставшееся на станции «Чудово» беспокойство — как он найдет одноклассников, как даст Анне Юрьевне знать, что жив, что у него все в порядке и что он их отыщет, скажите только, где искать?!

Нечего делать, придется обращаться за помощью.

Это просто, ведь на Красной площади обязательно стоят милиционеры.

Куда идти, Мишка сориентировался быстро — вокруг было полно туристов, и все они топали в одном направлении. Метель прекратилась, лишь заблудившиеся и оставшие снежинки мягко опускались на булыжники мостовой.

Исторический музей остался сбоку, Мишка прошмыгнул мимо кучки иностранцев, что фотографировались с усатым дядькой в сапогах, шинели и фуражке. Впереди распахнулась ширь Красной площади — красная стена с зубцами и башнями, над ней купол с лениво плещущимся в вышине трехцветным флагом.

Над Кремлем отчего-то снег шел, валил клубами, и в них чудилось целенаправленное, уверенное движение. Казалось, что повисший над древней крепостью исполинский спрут перебирает десятками длинных щупалец, и злобно плятятся из недр серых туч налитые белой злобой глаза...

Мишка встрахнул головой, и видение исчезло.

Милиции заметно не было, и он заторопился туда, где торчал шпиль Спасской башни. Острая верхушка ее напомнила о шапке Алисы... Интересно, где сейчас шустрая москвичка, что поделывает, вспоминает ли о нем?

Остался позади Мавзолей, неприятно-бурый, точно покрытый сырой плесенью. Приблизился яркий, праздничный, украшенный разноцветными куполами храм Василия Благовонного... или Блажного?

Храм этот Мишка на картинках видел, но название не запомнил.

Народу на площади было хоть и меньше, чем в метро или на вокзале, но все равно порядочно. Щелкали фотоаппараты, сверкали вспышки, слышались обрывки фраз, и не только на русском, а на всяких разных языках.

Мишке показалось, что далеко впереди, у самой башни, он разглядел яркий платок классной, ее длинное пальто, рядом вроде куртку Андрюхи и тощую маму Ереминой. Сердце ударило гулко и громко, и он ускорил шаг, едва не побежал...

Но те, кого он увидел, исчезли с глаз, скрылись за гуляющими.

Когда он выскочил на открытое место, никого уже не было, лишь закрывались проглотившие очередную экскурсию ворота Кремля.

— Ух ты, ну, — досадливо пробормотал Мишка, сжимая кулаки.

Зато он увидел милиционеров, охранявших Спасскую башню, и заторопился к ним.

И только тут сообразил, что по-прежнему сжимает бесполезный телефон, и сунул его в карман куртки. Но там оказалось занято, в кулак уперлось нечто твердое, округлое и холодное, словно обточенный кусок льда.

Вокзальная находка!

Как Мишка вообще мог про нее забыть?!

Ведь ни разу не вспомнил с той поры, как встретился с Алисой, даже толком не разглядел, что это такое! Хотя можно сделать это сейчас, только отойти в сторону, чтобы никто не обратил на него внимания.

«Яйцо» оказалось даже тяжелее, чем он помнил.

Мишка вновь услышал тиканье, а перевернув находку, убедился, что это и вправду часы.

Четыре циферблата, все черные, и по каждому ползут золоченые, причудливо изогнутые стрелки! Нижний, самый большой — понятно, это время, а вот что показывают три маленьких, расположенные дугой сверху? Один тоже разбит на двенадцать секторов, но в них не числа, а какие-то значки, другой, с семью стрелками, каждая заканчивается хитрой фигуркой, одна как полумесяц, другие вовсе непонятные, а в третьем, без делений, на изогнутом коромысле качаются две стеклянные колбочки.

А, да это же песочные часы, видно, как пересыпаются песчинки через узкие горлышки.

Надо же, часы в часах! И зачем?

Желтый металл между циферблатами не был гладким, его покрывали выпуклые символы — английская «S», пересеченная сверху вниз, а, да это же рисунок доллара, а вот и евро, и вокруг другие разные, незнакомые, но наверняка тоже связанные с деньгами.

В верхней части «яйца», рядом с креплением цепочки, имелось застекленное окошечко, и через него было видно, как внутри крутятся, цепляясь друг за друга, зубчатые колеса, большие и маленькие, как что-то посверкивает в глубине.

Сзади и снизу, напротив большого циферблата, под осой крышечкой, Мишка нашел скважину для ключа.

Ну да, такая штука не может работать на батарейках или от солнца, ее нужно заводить!

Стоит она наверняка больше дорогого автомобиля, а то и квартиры, и за нее запросто могут убить.

От подобных мыслей стало неуютно, Мишка подумал, что надо было выкинуть находку на пустынной станции метро. Пусть с часами и их хозяевами разбирается тот, кто найдет, а у него карманы пустые и вообще он ничего не знает.

Здесь, посреди людной площади, от такой вещи так легко не избавишься, это не фантик от конфеты.

— Молодой человек! — позвал кто-то негромко и ласково, но он все равно обмер, на макушку словно вылили ведро ледяной воды.

— Э, я? — спросил Мишка, поворачиваясь и спешно пряча часы в карман.

Те провалились внутрь, точно мышь в смазанную жиром норку.

— Да-да, вы. — Ласковый голос принадлежал невысокой женщине в смешной шапке, похожей на большую таблетку из серого каракуля и в синем форменном пальто с блестящими пуговицами в виде пятиконечных звезд.

Лицо у нее было самое обычное, но за улыбкой и смеющимися глазами пряталось нечто непонятное.

Это Мишка разглядел сразу, в чем дело, понять не сумел, но мгновенно подобрался, напрягся, даже ноги согнул. Холодное оцепенение ушло, по телу пробежала горячая волна, как иногда бывало перед важным стартом.

Если что, он рванет так, что только пятки засверкают.

— Пойдемте с нами, — продолжила женщина. — Все собрались, только вас ждем.

— Куда? — не понял Мишка.

— Ведь вы же не просто так тут стоите? — спросила она.

— Ну, нет...

— Так пойдете. — Женщина указала на открывающиеся ворота Спасской башни. — Внутри много интересного.

— Э, я... Хм, это дело святое... ну... — Напряжение сгинуло бесследно, растворились мысли о том, что надо обратиться в милицию, решить что-то насчет лежащих в кармане золотых часов.

Их место заняла спокойная уверенность, что все идет как надо.

— Пойдете, — сказал Мишка. — А сколько надо платить?

Билеты на все экскурсии остались у Анны Юрьевны, а где ее теперь искать?

Деньги у него были, но не слишком много, и если окажется, что все очень дорого, то он откажется.

— Все бесплатно, — сказала женщина уже без улыбки, серьезно и очень мягко.

Последние сомнения исчезли и Мишка кивнул.

Через пять минут он проходил Спасскую башню, причем не один, а в составе необычной группы. Каждый здесь был сам по себе, а все вместе совершенно не подходили друг к другу, точно обрывки разных картин, собранные в одной раме.

Очень высокий, но сутулый мужчина в ковбойской шляпе и длинном плаще, из-под которого виднелись сапоги с настоящими шпорами.

Полная женщина с выводком детей лет пяти-шести — их никак не удавалось сосчитать, они неистово носились вокруг матери, будто сошедшие с орбит планеты вокруг Солнца.

Девчонка того же возраста, что и Мишка, бледная и тощая, почти прозрачная, как привидение.

Старичок в валенках, вроде еле шагавший, но с такой тяжелой палкой, что ею запросто можно оглушить медведя. На грудь ему опускалась седая борода, в которой застряли зеленые травинки и листочки.

Это сейчас-то, в январе!

В каждом его спутнике крылось что-то неуловимо чуждое, экзотическое, но при этом не опасное.

Ворота за их спинами закрылись с протяжным скрежетом, и Мишка невольно вздрогнул. Показалось, что вокруг потемнело, но свет тут же вернулся, а женщина в синем пальто, похоже, что экскурсовод, повернулась к остальным.

— Добро пожаловать, — сказала она. — Говорить много я не буду, вы все увидите сами. Увидите и услышите.

Мишка нахмурился — как же так?

Экскурсовод как раз и должен молотъ языком, рассказывать всякую всячину.

Но никого, кроме него, подобное заявление не удивило, и они пошли дальше, по обсаженной елками аллее. Впереди, на фоне очистившегося от туч неба засверкали купола сбившихся в кучку старинных церквей.

Когда деревья остались позади, стало видно, что очертания зданий дрожат, как нагретый воздух над асфальтом.

— Да славится имя Христа Вседержителя! — воскликнул мужчина в шляпе и истово перекрестился.

Старичок в валенках хитро покосился на него, но ничего не сказал.

Женщина-экскурсовод повела гостей к стоявшему на постаменте гигантскому, в четыре человеческих роста колоколу. Когда подошли ближе, Мишка разглядел, что в боку у металлической громады не хватает куска, и ему сделалось даже обидно... словно увидел могучего красавца-великана без одной ноги.

— Царь, — прошептала бледная девчонка, и на бескровных губах ее появилась улыбка.

Женщина-экскурсовод нагнулась, осторожно приложила руку к покрытому снежком боку. Секунду ничего не происходило, а затем мир раскололся от обрушившегося на него громоподобного звона.

Мишке показалось, что земля под ногами разверзлась и он летит в тартарары.

Через мгновение сообразил, что все в порядке, единственно болят уши и слегка кружится голова. Вот только Кремль изменился — стены остались, зато церкви исчезли, на их месте возникла стройплощадка.

Поднялись деревянные леса, забегали непривычно одетые люди, заскрипели телеги, нагруженные бревнами и глыбами белого камня. Неимоверно быстро, точно на ускоренном видео, принялись расти храмы — ярус за ярусом, арка за аркой, глава за главой, крест за крестом...

Мишка только рот открыл.

Возникали и исчезали хлипкие деревянные дома, изменялись стены Кремля, по небу со страшной скоростью мчались облака. Возникало ощущение несущегося мимо прозрачного потока, стремительного, могучего, неостановимого.

Он слышал, как разговаривают строители — не все, отдельные слова, вырывающиеся из жужжащего гула. Но этого хватало, чтобы понимать, что и где находится — вот Успенский собор, старейший во всей Москве, вот колокольня Ивана Великого, высокая, как гордыня ее создателя, Бориса Годунова.

Кто такой Годунов, Мишка не знал, но пообещал себе выяснить, поискать в интернете.

Поднимались меж прочих совсем чудные строения, вроде бы настоящие, но в то же время прозрачные, такие, что казалось — шагни внутрь, и пройдешь насквозь, как через туман. И не только строения — вон окруженный колоннадой памятник, величественного вида дядька в мантии с шаром в руке, вон крест в ораде, украшенный табличкой с надписью...

Колокол громыхнул еще раз, и уже все вокруг поплыло, заколебалось.

Словно ветром унесло призрачные здания, сгнули леса, вернулся снег на крышах и аллея с елками.

— В каждом городе есть свое волшебство, — сказала женщина-экскурсовод с улыбкой. — Просто нужно уметь его видеть, а это сложнее, чем кажется на первый взгляд.

«Так уж и в каждом? — подумал Мишка. — Даже у нас, в Заволжье?»

— Конечно, и на твоей родине. — Она посмотрела на него, словно вопрос был задан вслух. — Неважно, что город невелик и не может похвастаться древней историей, все равно в нем есть нечто чудное, увлекательное. Там, где нет ничего подобного, люди не смогут жить.

Неужели эта женщина читает мысли?!

Нет, невозможно...

Просто не выспался в поезде и задремал под рассказ о старинных кремлевских храмах, вот и привиделось невесть что.

— Ты можешь думать и так, ведь это ничего не меняет, — под пронзительным, хоть и не злым взглядом женщины-экскурсовода Мишка невольно поехал: ну точно мысли читает, невероятно. — Прошу за мной.

Когда она отвела глаза, он облегченно вздохнул.

Пока шагали до Успенского собора, он оглядывался, пытаясь обнаружить другие группы — не может быть, чтобы их экскурсия была единственной, где-то тут наверняка ходит Анна Юрьевна с одноклассниками.

Вот бы их увидеть!

Но Кремль был пуст и тих, лишь в небесной синеве кружили черные безмолвные птицы.

Дверь собора, выглядевшая маленькой по сравнению с массивным, нависающим над головой строением, оказалась распахнута. Мишка переступил порог, окунулся в сладко пахнущую ладаном полутьму и остановился.

Не хватало еще сослепу налететь на кого-нибудь.

Когда глаза привыкли, различил тлеющие огоньки свечей, развешенные по стенам иконы, старинные, огромные. Сверху вниз на гостей недружелюбно глянули желтые, суровые лики святых и ангелов с огненными черными глазами.

— В Успенском соборе короновали русских царей и императоров вплоть до Николая Второго, — сообщила экскурсовод вполголоса.

— Почему тут? — спросил кто-то. — В Санкт-Петербурге своих храмов хватает.

— Сила может рождаться только в определенных местах, как и умирать, кстати, тоже. Правильное, истинное действие возможно лишь в конкретной точке пространства, в другой оно не будет значить ничего...

Женщина-экскурсовод замолкла, и вдруг высоко под куполом громыхнуло, зазвенело, да так, что трянуло весь Успенский собор.

— Милость и суд воспою тебе, Господи! Пою и разумею о пути непорочном: когда придешь ко мне?! — затанул в роде рядом, но словно за стеной хор, и стены с колоннами расплылись перед глазами.

Мишка уже не понимал, где он и когда, он видел процессию священников в богатых одеждах, установленный у стены трон, бородача в усыпанной драгоценными камнями мантии, что кланялся и крестился на образа...

— А где все? — спросили рядом тонким обиженным голосом. — Почему я ничего не вижу?

Мишка сморгнул, с усилием, словно каждый глаз весил как гантеля, опустил взгляд.

Неподалеку, растерянно озираясь, топтался отпрыск толстой мамы из их группы. Розовые еще недавно щеки его были белыми, синие глаза блестели от сдерживаемых слез, губы дрожали.

Еще немного, и заплачет.

— Тут, — сказал Мишка. — Иди сюда.

Он не сомневался, просто знал, что поступает правильно, и что иначе нельзя — если кто-то не в состоянии разглядеть то, что доступно твоим глазам, помоги ему и не жалея усилий.

— Да? Ой, я тебя вижу! — Мальчишка подбежал, доверчиво протянул руку.

Мишка взял его теплую ладошку в свою, и они замерли, уже вдвоем созерцая то, что творилось внутри древнего собора.

* * *

Экскурсовод им попалась опытная, но больно уж занудная, и Анна Юрьевна, честно говоря, большей частью ее рассказы не слушала. Вчера утомилась, пока добирались до Нижнего, потом провела ночь на узкой полке, где не сомкнешь глаз, да и вообще она бывала в Кремле на экскурсии, шесть лет назад возила сюда прошлый класс.

Водили их обычным маршрутом, говорили о чем-то хорошо знакомом, но не особенно интересном.

Встрепенулась она только у царь-колокола, когда показалось, что откуда-то издалека донесся громкий звон. Обнаружила, что экскурсовод бубнит как и раньше, ничего не заметила, а вот дети вертят головами, прислушиваются.

И Анне Юрьевне почудилось, что нечто идет не так, кого-то не хватает.

Сердце прихватило, и она поспешно пересчитала подопечных — один, два, три... все двенадцать на месте, разве что Котлов, сорванец, стоит немного в стороне и почему-то смотрит в сторону.

Хотя чего от него ждать, спортсмена?

Зачем ему вообще понадобилась эта экскурсия? Сидел бы дома, тренировался.

— Прошу следовать за мной, — сказала экскурсовод тем преувеличенно «культурным» голосом, каким часто обладают всякого рода искусствоведы. — Нас ждет Соборная площадь. Осмотрев этот духовный и исторический центр нашего Кремля, мы отправимся в Грановитую палату...

Анна Юрьевна приободрилась.

В Грановитой палате она не бывала, ту недавно открыли после реставрации, ну а потом их и вовсе поведут в Алмазный фонд. Посмотреть на драгоценные камни женщине всегда приятно, даже если ты простой учитель истории и, несмотря на всю выслугу лет, не можешь позволить себе серьги с бриллиантами.

— Пойдемте, — сказала экскурсовод, и группа вслед за ней направилась в сторону Успенского собора.

Только вот Миша Котлов почему-то не пошел за остальными...

* * *

Ждать Антон не любил.

Конечно, приказ Босса, но разве так важно торчать на том месте, где он в последний раз видел мальчишку? Стоять будто пенек среди толпы, делать вид, что ты не просто debil, раскорячившийся на самом ходу и всем мешающий.

Он честно выдержал десять минут, а потом плюнул и отошел.

На Босса работала куча народа, и всех Антон знать не мог, но он подозревал, кого именно пришлют сюда. Есть в бизнес-империи такие люди, что отыщут не только иглу в стоге сена, но и таракана в корабельном трюме.

Найдут и сделают так, что он перестанет мешать.

Подозревать-то подозревал, но все равно поежился, когда увидел спускающуюся по эскалатору парочку.

— Вот как, в лучшем виде, — пробормотал Антон, думая, что дело серьезное, если прислали этих двоих.

За глаза их звали Охотниками, а в лицо... в лицо старались никак не называть.

Слишком уж неприкрытую угрозу излучали они, чересчур опасными выглядели — для опытного человека, конечно.

Один высокий и бледный, точно смерть, в кожаной косухе с множеством заклепок, в перчатках без пальцев и черной бандане. Второй пониже, с копной рыжих волос и вечной улыбкой на круглой физиономии, одетый в неряшливый камуфляж, словно охранник с Черкизовского рынка.

На первый взгляд ничего особенного, но это только на первый... Если не смотреть в глаза.

— Привет, пацаны. Как дела? Как доехали? — заюлил Антон, когда Охотники подошли к нему.

— Где след? — спросил бледный.

Лицо его всегда оставалось неподвижным, даже губы не шевелились, когда он говорил. Под тонкой кожей угады-

вались острые углы, какие-то металлические прожилки, словно у киборга из железа, обтянутого искусственной плотью.

— Мой коллега хочет сказать, что мы крайне озабочены порученным нам делом и не хотим тратить время на болтовню, — пояснил рыжеволосый, потирая большие, мокрые от пота ладони.

Из рукавов у него сыпались крошки, в шевелюре что-то шевелилось, под камуфляжем тоже нечто двигалось, как у фокусника, прячущего под одеждой выводок змей.

«Нет, это мне с перепуга мерещится», — подумал Антон, облизывая пересохшие губы.

— В лучшем виде, пацаны... Вот, около этой колонны я его потерял, — сказал он, указывая туда, где в последний раз видел мальчишку прежде чем полететь кувырком через проклятого барбоса.

— Очень хорошо, — протянул рыжеволосый и принялся шумно дышать, втягивая воздух носом, точно собака.

Бледный же и вовсе завращал белесыми, будто слепыми глазами в разные стороны.

Антон даже уловил нечто вроде металлического скрежета, и ему дико захотелось убраться подальше от этих типов... но куда денешься, если Босс приказал работать с ними?

— Зафиксировал, — сказал бледный.

— Да, запах очень четкий... страх, золото, острое зрение... — пробормотал рыжеволосый. — Пойдем-ка, посмотрим, куда отправился наш маленький друг... о, да он не один... как странно!

Антону очень хотелось спросить, что обнаружили «коллеги», но он побоялся.

Охотники двинулись вперед одновременно, точно скованные незримой цепью, пошли в сторону, раздвигая толпу, как два ледокола. Миновали лестницу, ведущую на другую линию метро, и остановились перед гладкой стеной, облицованной светло-синей плиткой.

— Ушел туда. — Бледный поднял руку и ощупал стену, словно проверяя, настоящая ли она.

— Это что, типа шутка, пацаны? — Антон засмеялся, но быстро замолк, настолько жалко прозвучал его смех.

— Мы никогда не шутим без крайней на то необходимости, — буркнул рыжеволосый. — Неприятно! Нам здесь не просочиться!

— Прогноз негативный, — подтвердил бледный.

— Придется двигаться по поверхности. — Рыжеволосый поковырял в носу, вытащил из ноздри что-то вроде опарыша и небрежно швырнул на пол, отчего Антона едва не стошнило. — Полетишь с нами?

— Ну да, в лучшем виде...

Нет, он с большим удовольствием отправился бы куда-нибудь еще, а не на охоту за Предметом, но приказ Босса есть приказ Босса, и если его нарушишь, то вскоре обнаружишь, что такие вот Охотники ждут тебя в твоей же спальне.

И Антон, тяжело вздохнув, двинулся вслед за «коллегами».

Наверху, припаркованная под «кирпичом», их ждала машина — огромный джип, выкрашенный в буро-кирпичный цвет и напоминающий крепость на колесах, разве что без пушек.

— Пристегнись, — велел рыжеволосый, когда Антон занял место на заднем сиденье.

И они понеслись...

Глава третья

Куда они ходили еще, что и в каком порядке смотрели после Успенского собора, Мишка не запомнил.

В голове осталась пачка сверкающих разноцветных картинок, обрывки звуков — мягкое, но в то же время грозное пение клинков Оружейной палаты, многоголосый звон драгоценных камней, голоса башен... все слишком необычное, чтобы существовать на самом деле.

Куда исчезли его спутники, Мишка не знал, сам себя он обнаружил в Александровском саду, неподалеку от кремлевской стены.

С вновь укрывшегося тучами неба сыпал снег, по дорожкам ходили люди, каркали рассевшиеся по веткам вороны. Голова гудела от обилия впечатлений, мысли путались, с неохотой выстраиваясь в ряды, а в животе ощущалась сосящая пустота.

А, точно, у него же есть сделанные мамой бутерброды!

Парочку Мишка умял утром, когда пил чай в вагоне, но остальные-то никуда не делись!

Он отыскал свободную лавочку и заглянул в рюкзак — вот они, и с колбасой, и с сыром, и еще два банана!

— Карр? — поинтересовалась ворона, приземлившись в нескольких шагах от Мишки.

Смотрела заинтересованно, всем видом показывала, что этот вот большой бутерброд — предел ее мечтаний.

— Ух ты, — сказал он. — Ты голодная?

— Карр, — согласилась ворона и даже крыльями нетерпеливо махнула: какой ты непонятливый!

— Ну тогда держи.

Ворона, получив кусок колбасы, упрыгала с ним под лавку, а Мишка принялся за бананы. Доев последний, порылся в рюкзаке и с грустью убедился, что припасы на этом закончились.

Да, а их ведь обещали кормить обедом в «Макдональдсе»... Обед — дело святое.

Вспомнив, что он так и болтается по Москве отдельно от класса, Мишка слегка погрустнел. Наверняка Анна Юрьевна позвонила родителям, и папа расстроился, а мама и во все ударилась в слезы.

Сунув руку в карман, он вытащил сотовый — может быть, заработает?

Телефон чудесным образом откликнулся на прикосновение — ожил, засветился экраном и даже показал полный заряд батареи. Вот только когда Мишка полез в «Контакты», начал чудить — предъявил сначала список аудиофайлов, затем смс-ки, и начал открывать их по одной, хотя никто его об этом не просил.

— Карр! — сказала прикончившая кусок колбасы ворона.

— Все, больше ничего нет. — Мишка расстроено покачал головой.

Развел руками, показывая, что они пустые, и сразу же на скамейку присел мальчишка.

Откуда он взялся, не очень понятно, вроде бы только что и в десяти шагах никого не было. Незнакомец ухмыльнулся, блеснул желтыми хитрыми глазами из-под мохнатой серой шапки и спросил негромко:

— Проблемы?

— Да вот, сотовый глючит, — хмуро отозвался Мишка.

Этому-то чего надо, тоже колбасы, что ли?

— Давай помогу, — предложил мальчишка. — Я на них собаку съел, и не одну.

И улыбнулся так, что Мишке представилось, как этот пацан в смешной вязаной куртке и в чем-то вроде унт на ногах грызет жареную дворняжку, усевшись на грудь из телефонов и коммуникаторов.

— Ну, держи... — сказал он без особой охоты.

— Так, посмотрим, что здесь, — проговорил мальчишка, поворачивая сотовый и так и сяк. — Ха, просто!

И, вскочив с лавки, побежал прочь.

Мишка замер в ступоре, но только на мгновение, а потом его будто сорвало с места. Позади осталась и обида на то, что его взяли так вот и ограбили среди бела дня, и гнев на себя, остолопа, в очередной раз поверившего незнакомому человеку, и злость на москвича в лохматой шапке...

Сейчас он хотел только одного — догнать!

Мелькнула мысль, что увидь этот старт Юрий Анатольич, он бы одобрительно хмыкнул и показал большой палец. Мишка словно выстрелил собой и помчался по дорожке, под ногами заскрипел снег, понеслись назад черные деревья без листьев.

С негодующим ворчанием шарахнулась в сторону старушка, но он не обратил на нее внимания.

Существовала только цель, и, кроме нее, ничего не имело значения.

Утащивший телефон мальчишка обернулся на ходу, брови его поднялись, желтые глаза округлились. Он побежал быстрее, сгорбился, точно собираясь встать на четвереньки и удирать так, но оказалось поздно.

Мишка очутился рядом, вцепился в воротник куртки москвича, останавливая того на бегу.

— А ну отдай! — рявкнул он.

— Тихо-тихо. — Мальчишка уклонился от нацеленного в лицо удара, ловко крутанулся на месте и вывернулся из захвата.

Отскочил на пару шагов, но удирать и не подумал, примирительно выставил руки.

— Отдай! — повторил Мишка, сжимая кулаки. — Сейчас получишь!

Он завертел головой, выискивая, чем бы вооружиться, — о, вон из сугроба торчит ветка. Сделать шаг, схватить покрепче, и получится дубинка, которой наглый москвич получит по хребтине!

Так он и сделал.

— Имеет значение не только то, чем бьешь, а как и куда. — Мальчишка брезгливо улыбнулся. — Оружие тебе не поможет.

Ну ничего себе, сначала сотовый упер, а теперь еще советы дает!

— Отдай! — повторил Мишка, выкидывая ветку.

А то так нечестно — враг-то с голыми руками.

— Отдам, не бойся, — сказал мальчишка, улыбаясь уже вполне мирно. — Я же пошутил. Убежал бы, а потом вернулся. Не вопрос.

Он, похоже, говорил правду — смотрел прямо, глаз не отводил, держался спокойно, да и голос звучал уверенно. Мишка тяжело дышал, понемногу приходил в себя после бешеного рывка, в животе тяжело переваливались недавно съеденные бутерброды.

— Я Олег, — представился мальчишка и протянул сотовый хозяину. — Хорошо бегаешь.

— Ну, это... — Мишка хотел бы скрыть, что похвала ему приятна, но не сумел. — Да уж... Михаил я.

Вранье всегда давалось ему непросто, да и не удавалось, если честно.

— Хорошее имя, сильное, — одобрил Олег и вновь искренне, без фальши и желания угодить. — Извини, но я тебе помочь не смогу. Мобильник твой сломан, и я не знаю, что с ним делать.

— Вот и я не знаю.

Эх, если бы хоть номер классной посмотреть... затем попросить сотовый у Олега, набрать с него.

Мишка попробовал сначала в «Контактах», затем в «Журнале вызовов», но ничего не добился — аппарат на нажатия отзывался, но как-то хаотично, бестолково, и запускал со всем не то, что нужно.

— Ты не знаешь, нет тут рядом мастерской, где мобильники ремонтируют? — спросил он.

— Есть такая, на Сивцевом Вражке, — сказал Олег. — Только не поможет. Долго чинят. Несколько дней. Тебе ведь прямо сейчас надо?

— Ага. — Мишка кивнул.

Накатило желание заплакать, но он сдержался — не хватало еще раскиснуть, как девчонка!

— Симку вытащи, — посоветовал Олег. — Воткнем в мой. Позвонишь.

И он достал из кармана пухлый серебристый «Сименс», телефон тех времен, когда не было ни то что тачскринов, а даже полифонии, мобильного интернета и цветных экранов — Мишка видел такой, запыленный и забытый в ящике со всяким барахлом, когда с родителями ходил в гости к дяде Коле.

— Давай попробуем, — сказал он.

Но задняя крышка, всегда открывавшаяся легче легкого, на этот раз заупрямилась и сниматься отказалась. Мишка вспотел, пытаясь подцепить ее, чуть не сорвал ноготь, но ничего не добился.

— Ну что за дела! — с досадой пробормотал он, отгоняя желание швырнуть упрямый аппарат оземь, чтобы разлетелся на детали.

— Да ладно, оставь. — Олег спрятал свой раритет. — Ты не местный?

— А что, так заметно?

— Москвич мобильник в чужие руки не отдаст. Злой тут народ, подозрительный.

— Я тоже скоро стану злой и подозрительный. — Мишка перевернул сотовый, увидел, что тот заново отключился и возвращаться к жизни не собирается. — Ну и вот что мне теперь делать?

Олег воспринял вопрос буквально.

— Поехали со мной в Измайловский. На лыжах кататься. Ты правильный, сможешь.

Предложение выглядело так нелепо, что Мишка даже опешил, а последнюю фразу вовсе не понял. Какие лыжи, ему ведь нужно отыскать одноклассников, а для этого пойти в милицию и сказать, что он потерялся?!

А так ли нужно?

Даже если вдруг чудом его вернут к Анне Юрьевне и остальным, что его ждет? Ехидные взгляды Ереминой, язык Светки, сердитые реплики классной и постоянное ощущение, что он не на своем месте, что вместо него мог поехать кто-то другой, более достойный, тот же почти отличник Веденеев.

Очкарик, да еще и рохля, каких поискать.

А погода самое то для прогулки по лесу — не холодно, снег идет, но ветра нет.

— Святое дело, — сказал Мишка, понимая, что вот-вот, и согласится, сотворит очередную глупость за сегодня. — Только у меня нет ничего, ни лыж, ни ботинок... как я с вами поеду?

— Не вопрос, — Олег махнул рукой. — Все найдем. Ну что, двинули?

— Двинули. — Мишка обреченно кивнул.

Одной глупостью меньше, одной больше, какая теперь разница?

Новый приятель повел его прочь от Кремля, и вскоре красные башни со стенами исчезли из виду. В метро они проникли через удивительно безлюдную, уютную и маленькую станцию, рядом с которой стоял чудной памятник — высеченный из серого камня волк сердито рычал, шерсть на загривке стояла дыбом.

Олег не открывал рта, но Мишке постоянно казалось, будто тот что-то говорит.

Хотелось прислушаться, разобраться, что же такое произнесено шепотом, прямо в ухо, так что мочкой ощущаешь дуновение воздуха.

— Что ты сказал? — не выдержал он, когда они спустились по эскалатору и ждали поезда.

— Только то, что нужно, — ответил Олег.

Как это понимать, Мишка спросить не решился.

Вагон им достался особенный, не вагон даже, а настоящая художественная галерея на колесах: стены увешаны картинами, вон «Витязь на распутье», он еще в учебнике каком-то был, вон панорама древней Москвы, видны купола многочисленных церквей, вон портрет женщины в цветастом платке.

Пока их разглядывал, они уже и приехали.

Выбравшись на перрон, Мишка с удивлением обнаружил, что станция метро расположена на поверхности. С одной стороны от путей находился обыкновенный, забитый машинами проспект, зато с другой простирался заснеженный лес — ряды стволов, настоящие сугробы, повисшие на ветках.

— Классно! — воскликнул он, глядя на это чудо.

— Приехали, — сказал Олег. — Вон парни ждут.

Друзья у него были такие же молчаливые, все, несмотря на разную внешность, чем-то походили друг на друга. Одного звали Игорем, другого Всеславом, имя третьего, самого высокого, с ехидной ухмылкой на конопатой физиономии, Мишка не запомнил, хотя вроде бы расслышал, да и не показалось оно сложным.

Без лишних слов ему выдали лыжи, палки и даже ботинки с шерстяными носками.

В другой раз Мишка удивился бы, но в этот день наизумлялся на полгода вперед, так что даже слегка очумел.

— Сейчас померяем, — сказал он, усаживаясь на лавочку.

Ботинки подошли идеально, а свои зимние кроссовки сунул в пакет и убрал в рюкзак.

— Готов? — спросил Олег и, дождавшись ответного кивка, добавил: — Начнем тихо.

С протоптанной дорожки ушли на лыжню и неспешно покатали вглубь парка.

Морозный воздух приятно обжигал лицо, палки с хрустом упирались в сугробы, мимо плыли серые стволы, похожие на колонны. Мишка чувствовал, как разогревается, как уходит прочь сегодняшние тревоги, отступает беспокойство, похожее на опутавшую сердце темную паутину.

Они встретили еще нескольких лыжников, потом свернули в совсем дикий бурелом, и тут шедший первым Олег добавил хода.

Когда начался длинный и крутой подъем, Мишка понял, что понемногу, шаг за шагом отстает: мешал рюкзак, не очень удобно было в джинсах, да и куртка оказалась тяжелой для занятий спортом.

Озлился сам на себя и резвее заработал палками... нет, так просто он не сдастся!

Он хрипел, пот заливал глаза, ноги подгибались, фигуры Олега и его друзей расплывались, но он рвался и рвался вперед. А потом неожиданно обнаружил, что подъем закончился, они стоят на вершине холма, впереди белым языком лежит широкий спуск, а во все стороны до горизонта тянется зеленая шкура хвойного леса, настоящей, дикой тайги, какой не место в городе.

Никогда он не думал, что бывают такие большие парки!

— Хорошо, молодец, — похвалил Игорь.

Мишка не смог ничего ответить, не хватило дыхания.

— Помчались! — закричал Олег и, глядя в небо, неожиданно взвыл точно настоящий волк.

Налетевший ветер швырнул в лицо горсть снежной крупы, справа и слева заплясали белесые колючие клубы, скрывая все вокруг, превращая мир в переплетение смутных теней и туманных уродливых силуэтов...

Мишка толкнулся палками и поехал вниз.

Он не боялся упасть, не осознавал, где он и что делает, не вспоминал о прошлом и не думал о будущем. Он мчался по склону, наслаждаясь бешеной скоростью, неистовым танцем вьюги, бьющим в лицо холодным ураганом, что выжимал из глаз ледяные слезы.

Олег и остальные были впереди, порой они вовсе пропадали из виду, иногда их фигуры причудливо искажались. Чудилось, что четыре огромных серых зверя легко скачут по сугробам, блестят острые зубы в улыбающихся пастьях, снег летит с когтистых лап, с пушистых хвостов...

Вставали по сторонам размытые силуэты, будто великаны-зрители хлопали проносившимся мимо лыжникам. Склонялись над головой, затем отступали, им на смену из снежного занавеса выдвигались другие, еще более диковинные, оцетинившиеся ледяными иглами.

Восторг и радость дрожали в сердце, не оставляя место иным чувствам.

В какой-то миг Мишка смог-таки удивиться, почему склон такой длинный, и тут все закончилось.

Метель отступила, исчезла, словно ее выключили, лыжи перестали катиться сами по себе. Впереди выросла стена из старых елей, закачались зеленые лапы, со стрекотом полетела прочь сорока.

— Жаль, мало, — сказал Олег, поворачиваясь, так что стало видно разгоряченное лицо. — Спасибо все равно. Ты продержался, сколько мог. Не вопрос.

— За что? — удивился Мишка.

— Без тебя ничего не было бы, — пояснил Игорь, плечистый и черноглазый. — Нужна вера.

Очень хотелось разобраться, что здесь такое происходит, но Мишка решил промолчать — похоже, что внятных от-